

Зная, что она очень занята, Цзян Юйян не стал ждать ответа, положил телефон и продолжил есть. Надо сказать, кулинарные навыки тетушки Чан были на высоте, от одного укуса невозможно было остановиться. К сожалению, его аппетит был небольшим, и большая часть блюд осталась нетронутой.

После еды, когда Цзян Юйян вытирал рот салфеткой, телефон снова завибрировал.

[Тетушка]: Хорошо, если ты пойдешь, я буду спокойнее. Жаль только, что тебе придется трудновато.

Цзян Юйян взял телефон, чувствуя легкую неловкость:

— Не трудно. Больше я ничем не могу помочь. Тетушка и дядя, берегите здоровье.

Цзян Ланьсинь, которая в это время отчитывала подчиненных, улыбнулась, всё больше довольствуясь своей невесткой:

— Не переживай, передам твоему дяде. Кстати, отправь мне номерной знак машины, я оформлю пропуск, чтобы въезд и выезд были проще.

.....

Сяо Ю издали смотрела на охранников с оружием и невольно вырвалось:

— У меня такое чувство, что войду и не выйду.

Лю Дун бросил на неё строгий взгляд:

— Не болтай глупостей, язык без костей.

Сяо Ю тут же замолчала, сжав губы.

Чжан Бинчэнь медленно остановил машину, опустил окно:

— Мы здесь впервые, мы ищем...

Его перебили:

— Владелец машины Цзян Юйян?

Чжан Бинчэнь кивнул:

— Да.

Ему тут же вручили лист А4 с надписью «Пропуск», на котором стояла печать. Одновременно шлагбаум поднялся, освобождая путь.

Сяо Ю приняла бумагу словно указ, и через некоторое время спросила у Лю Дуна:

— Может, вставить в рамку?

Лю Дун:

— Положи в пластиковый файл, не намокнет.

Погода была прекрасной, и после еды Цзян Юйян сидел на деревянной скамейке во дворе, греясь на солнце и ожидая приезда Сяо Ю.

Впоследствии, каждый раз, когда он с Хэ Пэнчэном садился на скамейку, чтобы погреться и переварить обед, Цзян Юйян вспоминал этот день: он пришел сюда в отчаянии, думая, что каждый день здесь — это бонус, а в итоге остался на всю жизнь.

То, что он считал концом, на самом деле стало новым началом.

Но в тот момент единственным желанием Цзян Юйяна было, чтобы человек в больнице смог вернуться к нему целым и невредимым.

И сказал бы ему: «Ты старался, беспокоился, давай разведемся...»

Что угодно, лишь бы это исходило от него.

Сяо Ю сидела на диване, оглядываясь по сторонам, и наконец серьезно спросила:

— Идол, это точно не декорации для съемок?

Цзян Юйян добродушно улыбнулся:

— Точно нет.

Чжан Бинчэнь, хотя и не был так взволнован, как Сяо Ю, всё же не мог скрыть своего восторга. А Лю Дун, с тех пор как вошел сюда, молчал, опустив голову, погруженный в свои мысли.

В этот момент подошла тетушка Чан и вежливо спросила:

— Что будете пить?

— Не утруждайте себя, тетушка Чан, просто чаю, — Цзян Юйян поднял голову и улыбнулся ей.

Тетушка Чан была ослеплена этой улыбкой, вспомнив своего внука, который тоже любил улыбаться, и сама расплылась в улыбке:

— Хорошо, Юйян-господин.

Сяо Ю подумала: какое атмосферное обращение.

— Сяо Ю, Сяо Ю... — Цзян Юйян окликнул её несколько раз, пока она не очнулась. — Потом съезди в отель за моими вещами, я здесь пока поживу.

Сяо Ю поспешно кивнула:

— Хорошо, идол!

— Брат Дун, — Цзян Юйян посмотрел на молчащего Лю Дуна, думая, что тот всё ещё злится, мягким тоном, с широко раскрытыми глазами. — Брат Дун, ты на меня всё еще сердишься?

Сяо Ю сразу же почувствовала, как её сердце растаяло, в сотый раз подумав: если бы идол не был женат, я бы продала всё, чтобы завоевать его!

Лю Дун сделал суровое лицо:

— Не строй из себя милашку, я тебе не фанат.

Шесть лет он был его агентом, и каждый раз это срабатывало.

И снова сработало.

Лю Дун вздохнул и смягчился:

— О разводе предупреди заранее. Не смей жертвовать собой ради других.

Быть справедливым ко всем могут только боги.

Между Хэ Пэнчэном и Цзян Юйяном Лю Дун без колебаний выбрал бы своего подопечного.

Цзян Юйян, у которого уже был готов план, послушно кивнул:

— Хорошо.

Лю Дун заслужил звание золотого агента не только благодаря своим связям в киноиндустрии, но и благодаря своему подходу. Буря в медиа была легко подавлена на начальном этапе, и Цзян Юйяну он рассказал об этом лишь вкратце:

— Режиссер на площадке подстроится под твоё время, как будешь готов — продолжим съемки; фанатов не бойся, они больше меня переживают за твоё личное счастье; а что касается тех бессовестных СМИ... — на этом месте Лю Дун не удержался от хвастовства. — У тебя очень крутая и могущественная свекровь.

Отношение семьи Хэ к Цзян Юйяну сэкономило Лю Дуну много сил и стало ключевым фактором в том, что общественное мнение склонилось в его пользу. Среди комментариев в сети лишь единицы высказывали критику.

Цзян Юйян покраснел от того, как естественно Лю Дун произнес «свекровь», но полностью согласился:

— Тетушка очень ко мне добра.

Сяо Ю не поняла:

— Тетушка?

— Дядя и тетушка тоже только что узнали о нашем браке, поэтому я пока не сменил обращение.

Сяо Ю удивленно ахнула, решив, что эта народная свекровь стала еще более идеальной. Про себя подумала: брак, о котором даже родня не знает, какой это брак?

Лю Дун холодно усмехнулся, всё больше разочаровываясь в Хэ Пэнчэне, с которым даже не был знаком:

— Он правда в расчет тебя не брал.

Цзян Юйян начал оправдываться:

— Это было наше общее решение.

— А ты смеешь утверждать, что твои родители тоже не знали?

Цзян Юйян опустил голову, спрятавшись как страус, не смея ответить. Только что, пока он грелся на солнце во дворе, звонила мать и спрашивала об этом. Видимо, боялась, что он в таком молодом возрасте останется вдовцом.

Лю Дун был в ярости, с досадой отвернулся, показывая видом, что его лучше не трогать.

Цзян Юйян попытался успокоить:

— Брат Дун, ты, наверное, еще ни разу не был влюблен. Когда полюбишь, поймешь меня.

Когда любовь глубока, всё воспринимается с радостью, не спрашивая о результате, не требуя ничего взамен.

Взгляд Лю Дуна вдруг стал сложным и непонятным. Спустя какое-то время он, словно вздохнув с сожалением или насмешкой над собой, сказал:

— Я недостоин.

Цзян Юйян не расслышал.

— Пойдем, — Лю Дун встал, глубоко спрятав воспоминания на дно души. — Ты же хотел в больницу.

Узнав, что Цзян Юйян собирается в больницу, тетушка Чан, которая до этого улыбалась, сразу же покраснела глаза, схватила его за руку и не могла вымолвить ни слова.

Большую часть жизни она провела в семье Хэ. Хэ Пэнчэн с самого рождения был её заботой, она называла его молодым господином, но в душе давно считала своим ребенком. Как она могла не беспокоиться?

Цзян Юйян обнял тетушку Чан за плечи, мягко утешая:

— Не волнуйтесь, тетушка Чан, с Пэнчэном все будет хорошо.

Сяо Ю, наблюдая со стороны, искренне почувствовала, что это была теплая и богатая семья.

.....

Машина остановилась у входа в больницу, Цзян Юйян внимательно осмотрел окрестности, похоже, журналистов действительно не было, лишь несколько человек с телефонами, притворяющихся прохожими, тайком снимали. Это заставило всех четверых в машине, готовых к битве, вздохнуть с облегчением.

Чжан Бинчэнь, сидевший спереди, увидел это лучше всех и с чувством произнес:

— Наконец-то нашелся кто-то, кто может справиться с этими репортерами.

Сяо Ю полностью согласилась:

— Народная свекровь самая крутая!

— Но и слишком строго нельзя, — объективно заметил Лю Дун. — Ты артист, тебе нужны темы

и популярность. Когда шумиха утихнет, нужно будет давать комментарии.

Цзян Юйян кивнул:

— Я тогда пойду, а вы возвращайтесь аккуратно, чтобы вас не выследили.

Цзян Юйян стоял у входа в больницу и провожал машину взглядом, пока она не растворилась в потоке машин, после чего вошел внутрь. Врач подробно рассказал ему о состоянии Хэ Пэнчэна, и Цзян Юйян слушал очень внимательно:

— ...Значит, есть шанс, что он никогда не проснется?

Врач молчал.

— То есть, останется овощем? — Цзян Юйян сжал кулаки, изо всех сил стараясь сдержать дрожь в теле. — Доктор, говорите прямо, я не буду вас винить.

— ...У него серьезное повреждение мозга, что его вообще спасли — уже чудо, — врач не добавил, что будь это обычная семья, скорее всего, уже бы сдались.

— Ничего, я буду ждать другого чуда, сколько бы времени это ни заняло.

Когда горе достигает пика, наступает тишина, потому что хуже смерти уже ничего не бывает, поэтому Цзян Юйян был готов принять любой исход.

Глядя на лежащего без сознания человека, Цзян Юйян медленно взял трубку и поднес к уху...

Автор имеет в виду: Хэ Пэнчэн, лежащий пластом в больнице: Мне так трудно.

<http://bllate.org/book/16918/1557595>